

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К СТАТЬЕ Д. А. АЛЕКСАНДРОВА И Н. Л. КРЕМЕНЦОВА «ОПЫТ ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО НЕИЗВЕДАННОЙ ЗЕМЛЕ»

Вл. П. ВИЗГИН

Нынче разработка социальной истории советской науки — задача номер один для нашего историко-научного сообщества. И в самом деле — авторы статьи здесь совершенно правы, — для советских историков это в значительной мере «земля неизведанная». Достаточно новым для нас направлением является и «социальная история науки». Однако авторы не останавливаются на разъяснении своего подхода к этой сфере историко-научного исследования. А, по-видимому, с него следовало бы начать, ввиду отсутствия однозначного, общепринятого понимания этого направления. Авторы акцентируют внимание на изучении различных аспектов взаимодействия власти, государства с научным сообществом и выделяют пять наиболее существенных, но несколько разнородных сюжетов в этом взаимодействии: 1. Разделение истории советской науки на два периода: первый, сравнительно позитивный, до «великого перелома», когда наука и власть «идут навстречу друг другу», и второй — с конца 20-х до начала 50-х годов, когда развиваются в нашей науке монополизация отдельных школ и направлений, бюрократизация науки и т. п.; 2. Идеологизация науки; 3. Огосударствление науки (авторы используют несколько менее удачное слово — «огосударствливание».) 4. Стремление власти к контролю над системой образования и системой научных коммуникаций. 5. Динамика смены различных поколений ученых.

Сами авторы называют перечисленные аспекты (сюжеты) закономерностями. Фактически, таковыми являются 2-й и 3-й пункты, т. е. идеологизация и огосударствление, и, в какой-то мере, 4-й пункт, который, в действительности, подчинен двум предыдущим. Первый пункт — это вообще некая грубая периодизация, с которой можно согласиться в нулевом приближении, хотя в нем имеется и «закономерность» — «монополизация науки». Пятый пункт — скорее постановка проблемы, чем некая «закономерность».

Доминантными авторы считают две особенности советской науки, ее идеологизацию и огосударствление. Обе эти особенности, несомненно, связаны с эволюцией советского государства к тоталитаризму. Сам по себе марксистский подход не ведет к радикальной идеологизации науки. В физике, даже в условиях прогрессирующего тоталитаризма государственной власти, можно говорить лишь о попытках сравнительно небольшой группы физиков и философов развить достаточно ощутимое идеологическое давление. В тяжелые предвоенные времена физикам удалось отстоять свою науку от разрушительного идеологического вмешательства. В 40-е и 50-е годы, несмотря на усилившееся давление, ученые также сумели оградить физику от необратимых «философских» и «патриотических» деформаций. На этот раз решающее значение, по-видимому, имел «ядерный заказ» государства физикам. В 30—50-е годы идеологизация науки сама по себе не сумела нанести советской физике непоправимого ущерба, в отличие от биологии. В лице П. Л. Капицы, И. В. Курчатова, И. Е. Тамма, Л. Д. Ландау, Н. Н. Боголюбова, А. Д. Сахарова, В. И. Векслера, М. А. Леонтовича, Л. А. Арцимовича, Я. Б. Зельдовича, И. Я. Померанчука и других ученых советская физика имела достойных преемников Д. С. Рождественского, Л. И. Мандельштама, А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилова. Так что идеологизация осталась в случае с физикой где-то на ее периферии (иначе обстояло дело в области гуманитарных наук, психологии, биологии), хотя, конечно, физикам пришлось затратить немало усилий, чтобы отстоять автономно научного исследования и оградить науку от опасного внедрения в нее чужеродных идеологических включений. При этом многим из

них, прежде всего, лидерам научного сообщества (А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилову и др.) не раз приходилось идти на компромиссы.

Еще несколько замечаний об идеологизации науки. Руководителей и идеологов советского государства с начала его основания вдохновляла идея **научного** построения социализма. Марксизм претендовал на то, чтобы быть научным мировоззрением. Уже в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин показал, насколько тесно фундаментальная физика соприкасается с философией. Поэтому уже в 20-х годах фундаментальные физические концепции, особенно теория относительности и кванты, попадают на орбиту острых философских дискуссий. При этом далеко не все марксистские интерпретации этих концепций относились к тому вульгаризованному марксизму, о котором пишут авторы (например, работы Б. М. Гессена, А. А. Гольцмана, С. Ю. Семковского по философским проблемам теории относительности).

Заметим, что картина философских споров вокруг теории относительности и квантовой теории была многокрасочной до середины 20-х и сохраняла определенное многоцветие до начала 30-х годов. В этой картине место А. А. Богданова не так легко определить однозначно, точно так же, как влияние его «пролеткультовских идей» на процесс идеологизации науки. До поры, до времени физикам удавалось издавать на русском языке важнейшие монографии и учебники по новейшей физике, отделявшаяся «дежурными» предостережениями философского характера в предисловиях (книги Эйнштейна, Эддингтона, Гейзенберга, Шредингера, Дирака, Паули, Бора и т. д.). Особых санкций в отношении теоретиков, якобы допускаявших идеалистические отклонения, не применялось, по крайней мере в довоенный период. Даже репрессии трудно связать с обвинениями в «физическом идеализме». Так, А. Ф. Иоффе, С. И. Вавилов, И. Е. Тамм, Я. И. Френкель особенно резко критиковались в 30-е годы, но не были подвергнуты репрессиям, в то время как пострадали многие физики, которым не был присущ «порок идеализма» (Л. В. Шубников, В. К. Фредерикс и др.), или даже те, кто специально занимался марксистскими интерпретациями физики (Б. М. Гессен и др.). Отмечая некоторые особенности процесса идеологизации науки, авторы чаще всего ссылаются на материал истории биологии, который далеко не всегда подтверждается материалом истории других наук. Так, в довоенной физике не было «фетишизаций научного авторитета» (не фетишизировались ни Ломоносов, ни П. Н. Лебедев, ни А. Г. Столетов, ни живые еще Иоффе, Рождественский, Мандельштам).

Наиболее важной проблемой в связи с идеологизацией науки является, на наш взгляд, анализ того, насколько серьезно и глубоко идеологическое давление затрагивало научные исследования, в какой мере оно влияло на выбор научной тематики и сказалось на судьбах ученых. Открытым остается вопрос и об альтернативных путях взаимоотношения идеологии и науки в рамках не тоталитарных форм социализма. Авторы не ставят этот вопрос. Вместе с тем, отдельные наблюдения типа «Апелляции к городскому» и «Не рой другому яму», несмотря на чрезмерную «лихость» этих подзаголовков (которая вообще свойственна авторам), не представляются достаточно общими или существенными.

Вся система организации советской науки с самого начала строилась как государственная. Физика вполне справедливо рассматривалась как «научная база социалистической техники». Поэтому власть, особенно с началом периода индустриализации и внедрения плановой системы, оказывала физическим институтам весьма значительную материальную поддержку, требуя взамен повышенной технической отдачи. Физики же стремились доказать власти — и не без успеха, — что высокая техническая эффективность науки достижима лишь при достаточно высоком развитии самой этой науки. В результате государство финансировало и фундаментальные исследования. На этой линии (физика — техника) между научным сообществом и властью было известное напряжение, которое, тем не менее, не привело к чрезмерной технизации физики.

Пока во главе ведущих физических институтов находились подлинные лидеры научного сообщества, которые наделялись немалыми руководящими организационно-административными полномочиями, такие крупные ученые и основатели выдающихся научных школ, как А. Ф. Иоффе, Д. С. Рождественский, С. И. Вавилов, П. Л. Капица и др., огосударствление науки не приводило к опасной монополизации отдельных научных направлений, к чрезмерному администрированию, к разрастанию псевдонаучных школ (типа лысенковской).

Конечно, возрастающий тоталитаризм власти, особенно начиная со второй половины 30-х годов, мешал нормальному развитию физики. Это сказывалось и на свертывании международных научных связей, и на упомянутом уже усилении идеологического давления, и на репрессиях, которые для физиков стали реально ощутимы с осени 1936 г., и на порою чрезмерной технизации науки (из-за чего Д. С. Рождественскому, например, пришлось покинуть ГОИ в конце 30-х годов), и на развитии идеологического конформизма среди физиков и т. п.

Разумеется, предстоит детально исследовать, в какой мере огосударствление науки и связанная с ней централизация науки (в частности, АН СССР) имело для нее отрицательные последствия. Представляется, что сам феномен огосударствления науки при наличии механизмов, обеспечивающих достаточный уровень ее автономии, может не только не препятствовать, но и, напротив, способствовать развитию науки. Опасным для науки ее огосударствление может стать в условиях тоталитарной власти. Но даже и в этом случае выдающееся техническое и оборонное значение физики, относительная монолитность научного сообщества (лидеры его в основном сохраняли свое положение в течение нескольких десятилетий), несмотря на некоторые кадровые потери во время репрессий 1937—1938 гг., не позволили разрушить физическую науку.

На наш взгляд, авторы впадают в своеобразный «вульгарный социологизм», когда стремление ученых «к тотальному объяснению действительности» связывают с тотальным характером власти. «Научный тоталитаризм» — это извечная тенденция к единству научного знания. В XIX в. господствовал в естествознании механический «тоталитаризм», в XX в. — различные варианты полевого, релятивистского геометрического и квантово-релятивистского «тоталитаризмов». Едва ли имеет смысл эти формы «научного тоталитаризма» связывать с тоталитаризмом государственным, хотя по времени политический тоталитаризм в СССР и Германии совпадает с возникновением квантово-релятивистского «тоталитаризма» в физике.

Что касается «островков свободы», которые авторы связывают с вузовской наукой, то в общем это едва ли справедливо. Во всяком случае, в физике Московский университет зачастую занимал в идеологической борьбе 20—50-х годов «правый фланг». Вспомним, что А. К. Тимирязев, один из главных философских гонителей теории относительности и квантовой механики, имел большое влияние в университете. Теперь мы знаем, сколь активны были и другие университетские физики (Акулов, Ноздрев и др.) в подготовке в конце 40-х годов так и не состоявшегося Всесоюзного совещания по философским вопросам физики, которое замышлялось по образу и подобию печально известной сессии ВАСХНИЛ.

В 30—40-е годы ведущие позиции в физике заняло поколение ученых, получивших образование в конце 20-х — начале 30-х годов. Среди них были первоклассные исследователи, которые обеспечили быстрый рост физической науки в довоенный период и высокий потенциал советской физики в послевоенное время. Тезис авторов о том, что именно это поколение ученых (т. е. людей 1900—1910 гг. рождения) «в основной своей массе явилось проводником идеологизации в науке» и т. п. применительно к физике едва ли верен. Именно к этому поколению относятся такие замечательные физики и / или организаторы физической науки, как А. П. Александров, А. И. Алиханов, А. А. Андронов, М. П. Бронштейн, А. К. Вальтер, В. И. Векслер, Г. А. Гамов, Б. М. Гохберг,

С. И. Журков, Е. К. Завойский, И. К. Кикоин, Б. П. Константинов, В. Н. Кондратьев, И. В. Курчатов, Г. В. Курдюмов, Б. Г. Лазарев, Л. Д. Ландау, М. А. Леонтович, А. А. Лейпунский, С. Л. Мандельштам, М. А. Марков, В. В. Мигулин, С. М. Рытов, К. Д. Синельников, Ю. Б. Харитон, С. П. Шубин, Л. В. Шубников, А. И. Шальников и др. Многие из них уже с начала или середины 30-х возглавляли лаборатории, отделы и даже целые институты.

Конечно, предстоит выяснить, насколько заметную роль в физике и жизни научного сообщества играли те «выдвиженцы» и «назначенцы», которые компенсировали недостаток образования или научных способностей административной деятельностью, чрезмерно воинствующим материализмом и т. п. Но по предварительной оценке деятелей, подобных А. А. Максимову, В. Е. Львову и др., было немного и заметной роли они не играли.

Можно было бы еще в ряде пунктов возразить авторам. Например, в физике с начала 30-х годов не происходит сокращения периодических изданий и уменьшения числа конференций. Сокращение же общефизических съездов возмещалось увеличением числа специальных конференций: по ядерной физике, по теоретической физике, по физике полупроводников, по различным областям оптики и спектроскопии и т. п.

Бросается в глаза также, что авторы, вместо описания (пусть предварительного) каких-то характерных особенностей советской науки, только планируют исследовать какие-то ее стороны, источники и т. п. Пример тому — раздел «Авраам роди Исаака...» О какой закономерности здесь идет речь?

Итак, одни «закономерности», отмечаемые авторами, лишь обозначают очень примерно некоторую сферу исследования; другие — чрезмерно общи и не всегда подтверждаются конкретным материалом; третьи, может быть, и подтверждаются материалом из истории биологии, но явно расходятся с фактами истории советской физики. Конечно, авторитаризация и тоталитаризация власти вела и к идеологизации науки, и к ее централизации и огосударствлению. Но в разных науках это протекало по-разному. Вероятно, наиболее устойчивыми к этим «возмущениям» оказались науки физико-математического цикла. Кстати говоря, авторы рассматривают все отмечаемые ими закономерности как некие негативные факторы, препятствующие нормальному развитию науки (идеологизация, огосударствление и т. д.). Тогда чем же объяснить значительный прогресс ряда наук в 20—30-е и значительный научный потенциал страны в 40—50-е годы? Так, СССР в 30-е годы вошел в разряд передовых научных держав. Советская ядерная и теоретическая физика 30-х годов сумела доказать свой мировой уровень при решении ядерной проблемы (атомная бомба и т. п.) в 40-е годы. Точно так же без серьезного физико-математического обеспечения едва ли бы оказался возможным наш рывок в космос в 50-е годы.

Или закономерности, отмечаемые авторами, носят частный характер и применимы только к гуманитарным и биологическим наукам, или они действуют и в точных науках, но с большими ограничениями. В обоих случаях нужны и большая конкретизация, и поиск особенностей развития сначала отдельных наук, а уже потом переход к обобщениям. Тем не менее, статья Александрова и Кременцова, при всем ее несовершенстве, полезна, стимулирует размышление о социальных аспектах развития советской науки.